

Дни своего юбилея, «такого серьезного, невиданного» (ее слова), выдающаяся балерина Майя Михайловна Плисецкая поделила между Парижем, Мюнхеном и Москвой, где вечером 28 ноября состоится ее творческий вечер в Большом театре. Следом будет еще гала-концерт в Санкт-Петербурге.

Сеанс телепатического общения

Но сегодня балерина — одна из немногих, кого мир знает по имени, кто «обтанцевал всю планету», — сегодня Майя в Москве, и за ней, естественно, охотятся толпы мечтающих взять интервью журналистов (их можно понять). Примадонна от них прячется (ее тоже можно понять). Она устала от слов.

Да и что, собственно, говорить? Все, кажется, спрошено, все сказано, есть громадная, почти в 500 страниц, книга самой балерины, сотни статей, монографии, альбомы... Правда, организаторы обещают коротенькую пресс-конференцию М.М. перед отлетом в С.-Петербург, когда она будет явлена прессе — одна сразу на всех.

Поэтому взял книгу М.М., обложился ее давними и самыми последними интервью и, следуя не букве, а духу, мысленно провел с ничего не подозревающей великой женщиной своего рода сеанс бесконтактного телепатического общения. А почему бы и нет?

Тем более что, как она сама на днях сказала в парижском интервью по поводу премьерного балета «Оборотень», — «это мистика, а я мистику люблю».

Мой первый вопрос в этом интервью был бы из разряда необязательных, беспешных. Столько было написано о М.М., столько сказано комплиментов в ее адрес, что хотелось бы спросить: чье высказывание сильнее прочих открыло ей саму себя, окрылило, тревожно озадачило, поразило. Ведь это важно — что и как сказано об артисте. Одной балерине в прошлом веке посчастливилось, что ее воспел один ее современник в изумительных стихах. Надо ли напоминать? «Блистательная, полувоздушная, Смычку волшебному послушна, Толпою нимф окружена, Стоит Истомина...» Замечательно сказано о молодой Грете Гарбо — «эта женщина создана из снега и одиночества». Фраза — ясновидица, фраза — судьба.

Майя Михайловна сама знает толк в смыслах и словах. Человеку, умеющему написать о «замечательно воспитанной ступне» Улановой или о музыке Шедрина, «свежей и сочной, как антоновское яблоко», — этому человеку не нужны просто похвалы.

Листаю ее книгу, альбомы... Что могло запасть ей в душу? Стихотворение Вознесенского? Реплика Жаклин Кеннеди: «Вы совсем, как Анна Каренина?». Афоризм Бежара: «Майя — это пламя в мире танца»?

Или это было что-то совсем другое, не от мира слов — какая-то мелодия, прикосновение руки в дни отречения, тайнопись чьего-то влюбленного взгляда?..

Хореография боли.

«Балы жертв»

Когда говорят о трагической мощи таланта Плисецкой («Анна

Каренина», «Кармен», «Федра», «Мария Стюарт»), невольно вспоминаются некоторые страницы ее мемуаров. Трагичность, наверное, может сыграть и беспечный гений, баловень судьбы, но, по-видимому, муза трагедии больше доверяет тем, в ком есть ген страдания, в зрачки кого — по жизни — вперялся «луч мглы».

Это ведь вообще загадка, как в творческого человека перетекает жизненный опыт и как подлинники драмы, ужасы, зло жизни обретают в сердце художника метафори-

думаю, что к Плисецкой вообще нельзя подходить с общей меркой. Не потому, что она заслуженная, великая, на особом положении и т.п. Все гораздо проще. Она живет «между», там, где обитают все художники, поэты, творцы, — в зазоре между реальностью и иллюзией. В известном смысле она «притворяется», что принадлежит к процентным землянам.

Многим ли приходило в голову, что Майя в отличие от большинства нормальных людей несравнимо больше времени провела в воздухе, в отрыве от земли, и в этом смысле поддержки мужчин-партнеров носят чисто условный характер. Парение в воздухе не могло не наложить отпечатка на весь состав ее натуры. Она может всю жизнь болеть за ЦСКА, ходить в магазины за хлебом и говорить с

людей не позволяя себе сам. Никогда бы Майя не ощущала своей свободы в состоянии беглянки. Разве нас мненет простое перемещение в географическом пространстве? Свобода (как не-свобода) всегда внутри нас есть. И никогда бы М.М. не принимала дары своей славы с открытой душой так, как она их принимала из рук испанского короля или французского президента, если б она не доказала, что никто не может лишиться ее свободного полета поверх барьеров.

Да, но...

Триумфальная эйфория общего признания, пора собирания золотых плодов таят в себе и опасности. Это видно и по ее книге, необыкновенно интересной, но...

В этом месте нашего телепа-

Майя научилась держаться ни на чем, как звезды

Выбранные места из воображаемого интервью балерины

ческую образную действительность. Я не сомневаюсь, что в трагической ауре балерины генетически присутствуют арест и гибель отца в лагере (хотя она этого не видела и, возможно, в 13 лет не понимала), арест матери, скитания, страхи, сдавленные крики, носившиеся в воздухе того времени и попеременно с бравурной музыкой из «Волги-Волги» и «Цирка»...

Недавно я напал на описание того, как во время французской революции после 9 термидора устраивались «балы жертв» — в них участвовали члены семейств, в которых кто-либо был казнен. Полубожественные аристократки, похожие на простолудинок, и проститутки, неотличимые от дам высшего общества, при неярком свете свечей, а то и при луне, собирались на кладбищах и между погребений, на могильных плитах танцевали с кавалерами, имитируя судорожные движения головы и тела, падающих под ударами ножа гильотины.

Что ж, если есть в истории такие образчики чуть ли не прямого переливания в танец кровотокащей жизни, то что же сказать о возможностях искусства нашего изощренного времени?

У всех балетов, где Майя танцует испуг, отчаяние, где за ее спиной образуются турбулентные завихрения кошмаров, — у всех этих балетов, разумеется, есть хореографы — Алонсо, Якобсон, Бежар... Но нетрудно почувствовать, что за всем этим стоит незримая фигура главного хореографа — нашего прекрасного и яростного века.

Поверх барьеров

Как-то в интервью она сказала, что могла бы танцевать все, вплоть до Пикассо. Здесь выразился не только ее темперамент, но и понимание неисчерпаемой природы ее искусства — балета. Собственно, кто она? Только ли балерина? Я

вами о погоде, но она не вся здесь, она в своем полете. Вряд ли понимает птица чудо и счастье воздухоплавания. Для нее это естественно, она с этим родилась. Но чудо и счастье испытывает Майя, испытывает персонаж картины Марка Шагала «Небесный музыкант», потому что им-то летать не дано было от природы, они для себя отменили принципы физики, преодолели тяготение, предписанное «смертным законом Ньютона» (слова М.М.). Таков мир религий, мир искусства.

В этом воображаемом интервью мне хотелось поговорить с М.М. о большом вопросе — уход из Большого... Приходилось слышать о ее сложном характере. Но и сама М.М. судит себя резко. «Я всегда была конфликтна. Могла обидеть человека просто так, несправедливо», и т.д. Можно говорить про интриги, про то, как чекисты следили за каждым шагом, как отреагировал тогдашний председатель КГБ Серов на отчаянный звонок М.М. по вертушке из кабинета Минкультуры (группа выезжала в Лондон на гастроли, а ее не взяли)... Но все это будут причины и резоны обычных нормальных земных людей. Главным же для нее была угроза ее невесомости, уступка тяготению, физике, неспособность ходить по воде в дивном пространстве своего искусства.

Ее Кармен была тем самым «вплоть до Пикассо». И когда Фурцева сказала про нее: «Вы сделали из героини испанского народа женщину легкого поведения», она решилась. Закружили-запретили тогда не ее шедевр, не роль, не партию. Закружили-запретили ее саму. Это был творческий арест. Духовная и гражданская казнь. Нож в сердце. Судьбу персонажа повторила исполнительница.

За все эти муки ей бы простили все, в том числе побег на Запад. Но есть вещи, которые че-

тического общения с балериной могут возникнуть помехи в связи. Но договорю. Именные люди, выходя за пределы своего поприща, нередко впадают в ложную многозначительность и ненатуральный пафос. Книгу М.М. часто сравнивают с книгой Галины Вишневской. Но достаточно сравнить ее с другой книгой — с воспоминаниями Надежды Мандельштам, чтобы понять, о чем идет речь. У Надежды Яковлевны просто немыслимо простеть фразы типа: «Даю вам совет, будущие поколения. Не смиряйтесь до последнего мига... и т.д. Ну а как быть хотя бы со строчкой из Пушкина? — «Смирись, о гордый человек».

Или те несчастные, едко написанные страницы про измены замужних балерин, названных по имени? Достойно ли сплетничать, писать доносы, пусть теперь просто богине истории Клио? И разве не ясно, что частная жизнь кого бы то ни было — это самая беззащитная территория, потому что она охраняется лишь тактом и честностью невольных свидетелей? И эта странная, будто бы извиняющая ее приписка к амурным сюжетам: «Я была еще девственна, и мне было не до генералов».

Хотите знать мое мнение? Я думаю, что и к недостаткам таких людей нельзя подходить с обычной меркой. Нет, ну нет на нее зла. Она будто опять «притворяется» стопроцентной землянкой со всеми вытекающими отсюда нормальными земными «бабими» недостатками, «делает вид», что ничто человеческое ей не чуждо. А сама она далека, в разреженном пространстве своего горного одиночества.

Вопрос о самом дорогим подарке

Даже в телепатическом варианте интервью нельзя злоупотреблять временем балерины, хотя о

многом хотелось бы еще ее спросить: Я бы включил ее любимую мелодию из чаплинских «Огней рампы» и попросил рассказать об Алле Шелест, единственной из современниц, которую М.М. назвала гениальной, о Сальвадоре Дали, Шостаковиче, Марии Каллас... Было бы интересно также узнать, что побудило ее к неожиданным суждениям о режиссере Юрии Любимове, журналисте Коротиче и других людях с определенным режимоборческим диссидентским имиджем. Но у меня остается время только на последний и важный юбилейный вопрос — о самом дорогом для нее подарке в жизни.

Были ли это сережки, которые ей подарила Лиля Брик в пору своей нищеты (в ее доме М.М. встретила Шедрина). Или самый дорогой подарок она приняла из рук трогательно ухаживавшего за ней Роберта Кеннеди? Или это был Марк Шагал, которому она в Париже позировала для его панно в «Метрополитен» в Нью-Йорке (где потом она «угадала» себя в фигурке летящей балерины)? Но, может быть, она скажет: дорожке всех подарков была для меня щедринская музыка к балету «Дама с собачкой». М.М. приводит в книге его слова:

— Это тебе ко дню рождения, не колечко же с бриллиантом дарить...

Впрочем, как знать, что она ответит на этот вопрос. Во всяком случае, я попытаюсь спросить ее об этом на предстоящей пресс-конференции.

И последнее, нескончаемое...

Когда в дни больших юбилеев говорят о возрасте артистов (и в отношении М.М. сейчас касаются этой темы, да и она сама в том самом стремлении «быть, как все земляне», тоже спешит упомянуть о «сволочном возрасте»), не совсем понимаю особые отношения людей этого типа с временем, в котором категории возраста, стажа, срока, своевременности — не больше, чем частности тривиальной хронологии, датировки. Мы же уже говорили о том, что Майя почти всю жизнь провела в отрыве от земли, а там, в пространстве искусства, — другие часы, другие времена. Там не Хронос, одиноким для всех, а библейское откровение Вечного Мига.

Вот почему так смешно выглядел вывешенный на доске объявлений Большого пенсионерский список с фамилией Плисецкой. Вот почему в ее восприятии «оттуда» и шевельнувшиеся в золоченой ложе рыжие усы Сталина, и фигура снятого Серова на тропе в дачном поселке видятся не зловеще, не реально, а как персонажи какого-то мистического балета при неясном свете свечей, а то и при луне...

Вопрос о времени, о возрасте Плисецкой бессмыслен. У таких людей, как Майя, всё всегда будет впереди. Древний мудрец призывал людей: учитесь держаться ни на чем, как звезды. Это трудно. Но, как видим, некоторые научились.

...Майя Михайловна как-то сказала, что будет танцевать до 107 лет. Я верю в это. И прошу ее в 2032 году дать мне уже не воображаемое, а настоящее интервью. До встречи через 37 лет, Майя!